

ищет в судьбах позднеантичного полиса, в упадке и расхищении муниципальной собственности, приводившим к распаду старых общеполисных связей (с. 55—56). Это истолкование представляется весьма обоснованным, но достаточно ли такого, преимущественно негативного объяснения? Могло ли столь выразительное общественное движение, отмеченное активнейшим участием масс, родиться только из разложения античной городской общины, только из *упадка* старой полисной организации (с. 56)?

В статье приводятся (частью они содержатся и в более ранних исследованиях автора) немаловажные данные о существенной активизации в этот период торгово-ремесленной жизни крупнейших городов Византии, о возрастании роли городских корпораций (в том числе даже низших профессий), а также ремесленных, купеческих, ростовщических слоев горожан (с. 57). Не заставляет ли это предположить, что небывалый подъем борьбы городских партий был связан с определенным оживлением экономической жизни ведущих восточноримских городов в V—первой половине VI в., когда возможности отделения ремесла от земледелия в условиях старого общества еще не были исчерпаны, а силы дезурбанизации еще не возобладали? Очевидно, этим экономическим подъемом были обусловлены и рост самостоятельности широких слоев городского населения (с. 54), и дальнейший упадок городского (полисного и куриального) землевладения и его политической роли. Не случайно свертывание деятельности городских партий в VI—VII вв. совпадает с сокращением численности и самостоятельности торгово-ремесленного населения, упадок городских корпораций, в особенности «массовых» профессий (с. 59—60). Думается, что учет отмеченных экономических явлений может лишь упрочить предложенное определение данного типа и этапа городских движений в Византии и представление о его исторической закономерности.

Византийской проблематике посвящена и статья Г. Е. Лебедевой «Эволюция терминов, обозначающих рабов, в ранневизантийском законодательстве». Справедливо полагая, что для решения проблемы рабства в позднеримском-ранневизантийском обществе весьма важно изучить эволюцию юридической терминологии, обозначающей рабов, автор сосредоточивает свое внимание на соответствующей терминологии кодексов Феодосия и Юстиниана. Подсчеты и наблюдения исследовательницы позволяют ей прийти к выводу о значительности роли рабства (в том числе производственного) в IV—VI вв. Об этом же, по ее мнению, говорит и наблюдаемая в источниках тенденция к унификации «рабской» терминологии.

Учитывая значимость этих наблюдений, не следует, думается нам, преувеличивать их значение. Закрепление данной юридической терминологии отнюдь не всегда означает стабилизацию данного экономического и социального явления, а порою, как свидетельствует история, может скрывать за собой уже принципиально иные производственные отношения. Ведь и сама исследовательница признает, что, говоря о значительности роли рабского труда в императорских и частных поместьях в V—VI вв., она имеет в виду преимущественно рабов с пекулием, т. е. рабов, наделенных землей (с. 106).

К статьям византинистов примыкают работы славяноведческие. В статье «Корпорации ремесленников в средневековом далматинском городе» М. М. Фрейденберг в плане рассмотрения вопроса о цеховом и так называемом «свободном» ремесле в средневековом городе анализирует немногочисленные источники о ремесленных корпорациях городов Задара, Шибеника, Сплита, Трогира и затем более подробно останавливается на корпорациях мореходов Задара, Сплита и Котора по уставам XIV—XV вв. Поставив вопрос о соотношении цеховых и «свободных» ремесел, автор приходит к выводу, что, хотя далматинское городское производство и «не является типичным „свободным ремеслом“, но в близости к этому ремеслу ему нельзя отказать... Очевидно, перед нами особая разновидность ремесленной организации» (с. 43). Вместе с тем, заключает Фрейденберг, в XIII—XIV вв. «в наиболее развитых, традиционных и важных для города занятиях — мореходстве, кожевенном деле — из общей массы рыхлых братовщин выделяются те, которые можно сблизить с западноевропейскими цехами» (с. 44).

В статье В. А. Якубского «К вопросу о причинах развития фольварочной системы в Польше» поставлена интересная и до сих пор нерешенная проблема.